

няться въ любви при народѣ, хотя и на сценѣ? Да всякая барыня со стыда сгоритъ! А барышнямъ сверхъ того и маменьки не позволять.—Олинъ говорилъ злобно, рѣзко. Дыхляевъ сочувственно покачивалъ головой.

— Видно, батенька, что вы, въ нѣкоторомъ родѣ, изъ столицы пріѣхали,—перешелъ Олинъ въ свой обыкновенный, ласковый и нѣсколько слащавый тонъ.—Во всемъ это видно. Помилуйте! постоянно въ глаженной сорочкѣ! Поносишь ее дня три-четыре—смотришь, надо чистить, а это гривенничекъ стоитъ. Вамъ, молодымъ людямъ, это еще туда-сюда, а для нашего брата вотъ эта штука самая подходящая статья.—Олинъ указалъ на черную коленкоровую манишку съ пришитымъ къ ней галстукомъ. Корневъ промолчалъ.—И замашки у васъ вообще столичные. Слушалъ я вчера вашъ урокъ. Вдругъ слышу: «господа, приготовьте къ слѣдующему уроку тройное правило». Это мальчишки-то—господа!

— Что же вы находите здѣсь страннаго? — спросилъ Корневъ сухо.

— Какъ что! помилуйте! вѣдь, слово «господинъ» что значитъ?

— А-а-а-ахъ! — звѣнулъ Дыхляевъ такъ громко, что Веймаръ остановился, и уставился на него, посмѣиваясь.

— Ну, затушу! Теперь на весь вечеръ пойдетъ,—проворчалъ Олинъ недовольно.

Но Дыхляевъ вдругъ крикнулъ:

— Ура!

— Кривой магнетизмъ,—прошамкалъ Веймаръ.

Дыхляевъ вскочилъ съ кровати, на которой сидѣлъ, схватилъ Олина за талию и закружился съ нимъ по комнатѣ.

— Петръ Васильичъ, оставьте! что за шутки! вы меня всего изомнете! — отбивался Олинъ.

Дыхляевъ продолжалъ молча кружиться. Олинъ покраснѣлъ отъ натуги, стараясь освободиться изъ медвѣжьихъ объятій.

— Да оставьте, вамъ говорить! — крикнулъ онъ сердито.

— У насъ нынѣ именины,—запѣлъ въ тактъ Дыхляевъ, совсѣмъ не замѣчая усилій своего коллеги.

Олинъ пересталъ сопротивляться. Передъ его мысленными очами мелькнула выпивка, закуска... Въ воздухѣ, казалось, вдругъ запахло горячимъ пирогомъ.

— У кого? — спросилъ онъ мягко.

Дыхляевъ разжалъ руки, кинулся на постель и перекувырнулся.

— Охъ! У Стебельковского... Судебный слѣдователь,—добавилъ онъ, обращаясь къ Корневу.